

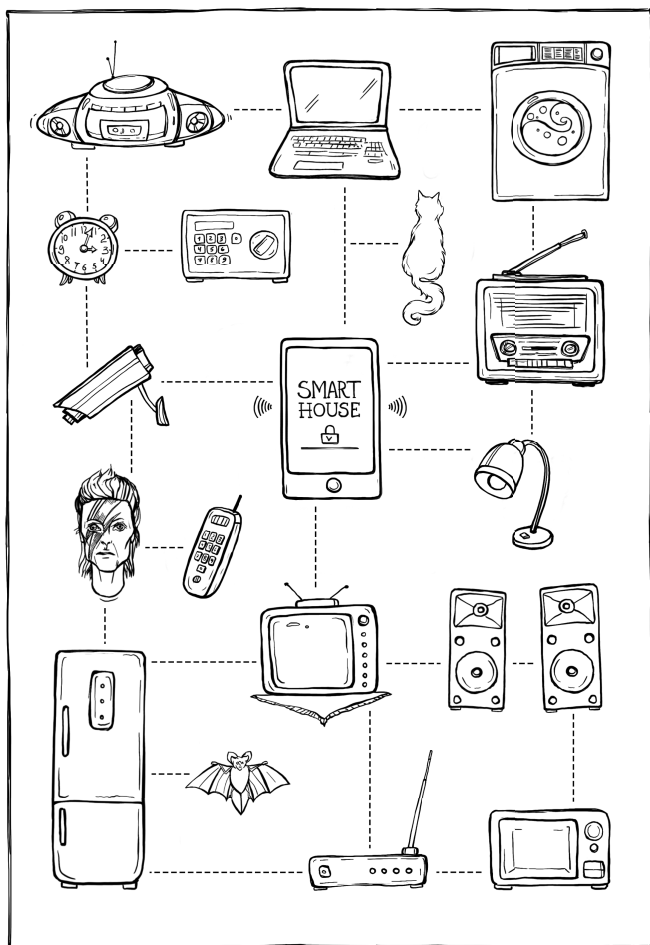
ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Интернет для мертвых 11
2. Внутри собаки пустота 25
3. Это точно была не я 45
4. Непрозрачные предметы 63
5. Ветошь души 83
6. Шкатулка с письмами 122
7. Не ходи за водой, вода сама придет 157
8. Линия отрыва 186
9. Волк и семеро котят 209
10. Пятнадцать самолетов в минуту 246
11. В двух словах: вода, вода 259
12. Что она мне скажет / God is memory 280
13. Зомби слова не давали 321
14. Если ты выжил, то тебя не существует 365
15. Кто я, чтобы длиться вечно 386
16. Тень белее белого 424
17. Как я стала диктатором 464
18. Внутри коровы чистота 500
19. Не бойся роторной жатки / Последний звонок 531
20. Это и есть я 544
21. П:П 562

Смерти.net

Интернет для мертвых открывается здесь

I like to think
(right now, please!)
of a cybernetic forest
filled with pines and electronics
where deer stroll peacefully
past computers
as if they were flowers
with spinning blossoms.

Richard Brautigan
«All Watched Over by Machines
of Loving Grace»

Whilst it is true that we did not ask to be
here, it is also true that we did not ask to
not be here either.

Genesis Breyer P-Orridge
«Psychic Bible»

Мне хочется думать
(прямо сейчас, пожалуйста)
о кибернетических лесах,
полных сосен и электроники,
где олени мирно бродят
среди компьютеров,
словно это цветы
с вращающимися головками.

Ричард Бротиган
«Под присмотром машин
любящей благодати»
(Перевод Т. Замировской)

Мы и правда не просились здесь быть,
но правда и в том, что мы не просили,
чтобы нас здесь не было.

Дженезис Пи-Орридж
«Психическая Библия»
(Перевод Т. Замировской)

I. ИНТЕРНЕТ ДЛЯ МЕРТВЫХ

Все это случилось почти сразу после того, как сломался интернет для мертвых.

Стоп. Верный ли я выбираю тон?

Мне важно рассказывать об этом так, как будто вы ничего не знаете про интернет для мертвых. Как будто вы — моя бабушка, мой единственный умерший близкий, от которого не осталось цифровых свидетельств. Ни почувствовать, ни поучаствовать (и о последнем я жалею больше всего: что бы ты мне сказала сейчас? удалось бы нам доплыть до медовых летних паутинок нашей старой дачи, отговорила бы ты меня превращаться в собаку? или превратилась бы в собаку вместе со мной? или ты и была той второй собакой, навестившей меня из более эфирной и недоступной версии воздушного города?). Для нее вся эта история — вероятно, что-то вроде чуда. Что-то, могущее быть чудом. Так, здесь кто-то переключил мою раскладку.

Предположим, в какой-то момент у нас проведут интернет для мертвых, и я захочу рассказывать об этом именно так. Я говорю «интернет для мертвых», чтобы было понятнее; в реальности (тут кто-то тоже переключает раскладку: с какой стороны у нас реальность?) это не совсем интернет и не то чтобы для мертвых. Мне хотелось бы верить, что мертвые не попадают никуда и по-настоящему исчезают, превращаясь в память, а те, кто попадает, — вечно живые и никогда не мертвые, поэтому не до конца существуют или не существуют вовсе.

Первый год все было устроено камерно и просто, как одноколенный (однокамерный) велосипед (камера-одиночка?). После того как научились загружать психику и память человека на внешний носитель, возник вопрос: что делать с нарастающими тут и там человеческими бэкапами — резервными копиями, репликами или дублями, какой из переводов более уместен? Выбирая между переводами, всегда ориентируйтесь на самый неясный и многозначный. Потерял ключ, а дубликат не сделал. Дома больше нет (никого).

Вначале тренировались на военных и людях науки: эти даже в состоянии отделенного от тела чистого сознания продолжали приносить человечеству пользу. Загружать их себе никто не мог: только спецслужбы, коллеги, исследователи. А потом, после войны, разрешили копировать и обычных гражданских, но исключительно для личного пользования. Соглашаясь на копирование, указываешь в договоре имена всех, кто может общаться с твоей копией. Друзья, родственники, прочие люди. Если вдруг случайная смерть (а у нас это происходит постоянно: грипп или теракты) —

им приходит письмо с предложением загрузить в коммуникаторы ваш дубликат, копию за ____ (тут дата последнего копирования). Можно отказаться; некоторые предпочитают прожить потерю по-настоящему: разрыв, исчезновение.

Отчасти я их понимаю: то, что может называться душой или сознанием, — это не то же самое, что имеется у дубликата, наделенного тем не менее точной копией личности. Ювелирная, хирургическая точность. Никаких микроразрывов. Отсутствие отличий. Но разве не должна смерть создавать крошечную трещинку, щербинку, шероховатость? Послесмертное фото с такой же родной улыбкой пугает своей идентичностью: давайте добавим хотя бы выбитый передний зуб? Что-то вроде битого пикселя. Пожалуйста. Дайте нам понять, что вы где-то побывали. Что вы о чем-то помните.

Увы, дубликаты в этом смысле беспамятны, о смерти они не помнят и не вспомнят никогда. Последнее их воспоминание — момент последнего копирования.

— Расскажи, как это было, — спрашивают друзья, потому что поначалу их ничего не интересует, кроме опыта смертного. — Вот ты очнулся в интернете для мертвых. А до этого что?

— Пришел на копирование, сел в кресло.

— А дальше?

— Сел в кресло.

И тишина. Тот, да не тот. Потому что в кресло сиделся другой, живой человек, который пытался, как и все мы, как-нибудь себя сохранить. Сделайте, пожалуйста, так, чтобы после смерти я продолжил общаться с А, В и С. Перебирайте алфавит хоть сто раз — но это они имеют возможность общаться с вами, а вы,

как утверждают некоторые (но не все), просто выключаетесь.

В мире, где уже ничего нельзя выключить даже при желании, биологическая смерть сознания — настоящее благо. Я завидую тем, кто через такое уже прошел. Это единственная во Вселенной разновидность недокументируемого и неразделяемого опыта, доступного и уготованного каждому и регистрируемого изнутри ровно до момента, пока зарегистрировать его успешное завершение может лишь внешний наблюдатель.

Зависть ко внешнему наблюдателю — вот мой диагноз. Зависть ко внешнему носителю. Зависть ко внешнему и его *возможности*. Зависть к умиравшим: назывем вещи *другими вещами*.

Когда-то я читала огромную статью Илона Маска (старик нередко выступал в жанре «я же говорил» в изданиях вроде «Нью-Йоркера», тяготеющего к ретрофутуристичному старичковскому красноречию) о том, как он еще давным-давно утверждал, что мы скоро научимся целиком копировать человеческий мозг, при этом так и не разобравшись, как именно он работает.

Маск был прав: оказывается, чтобы скопировать что-то с идеальной точностью, вовсе не нужно понимать, как оно *устроено*. Мы все время от времени попадаем в эту ловушку: пытаюсь что-то воссоздать или скопировать, отчаянно пробуем проникнуть в его сущность, вместо того чтобы проникнуть в сущность копирования как процесса. Копируется все. И ничего на самом деле не найдется. Незачем находить там, где можно дублировать.

Этой копировальной революции поспособствовала окончательная победа теории панпсихизма. В те време-

на, в которые я мысленно направляю это послание, чтобы сделать его *выносимым*, существовало две теории сознания — панпсихизм и эмерджентность. Согласно эмерджентности, сознание постепенно возникает из ниоткуда — скажем, в мягчайшей прозрачности медузе человеческого фетуса его еще нет, но в крепеньком пельменном младенчике оно уже зреет и наливается кровавой вишенкой смысла. Невозможность отследить чудесный момент возникновения сознания приближала эту теорию чуть ли не к религии. С панпсихизмом, который раньше считали нью-эйджером и дзен-буддистской практикой, ученые попали в точку. Сознание действительно присутствует во всем и изначально, просто не в равной степени. Фетус сознателен, младенец чуть более сознателен, настоящий пельмень на тарелке тоже сознателен. Сознание всепроникающе и измеряемо, оно не берется из ниоткуда. И именно на основе этой теории получилось, скажем так, взять сознание как таковое и нанизать на него, как на шампур, копию личности. Это просто — как класть камни в реку, например. Или расставлять фигуры на пути света, чтобы получать тени в форме фигур. Просто нужны свет и направление, нужны река и течение, нужно время.

Понятно ли я звучу? Звучу ли я вообще? Мы на «ты», или вы — это вы все? Я озвучиваю верхушку этого ледяного айсберга ужаса, в котором мы все оказались после того, как сломался интернет для мертвых. Я — голос этой стылой верхушки, ее бесстыдное сознание, миллионы ее мыслящих и мыслимых прозрачных пельменей.

Тестовый текстовый режим, кстати, вышел никудышным. Вначале счастливые друзья и родственники,

обомлев при виде знакомой ожившей иконки в ленте, сияющей чистым изумрудом бытия, лепетали что-то несурзное: *ну как ты? ты меня помнишь? а себя ты помнишь?* Правда, в ответ они получали еще более невнятный лепет, нагромождение хаоса, текстовую бессмыслицу. Да, вроде бы тот самый человек, любимый, родной. Но ведет себя как поисковый помощник и вместе с тем пьяный диджей-одноклассник: включает шальные песни своей юности, безостановочно делится воспоминаниями, не проявляет эмоций, грубит.

Никто не ожидал, что дубликат умершего близкого, несущий аутичную родную чушь, может изранить сердце посильней разлуки. Из-за непредвиденной разрушительности этих первых семейных коммуникаций с дубликатами многим понадобилась профессиональная помощь терапевтов. Тогда еще были терапевты.

После того как выяснилось, откуда берется сознание (но не как оно *работает*, это важно), стало более-менее понятно, почему бессознательный дубликат — это набор бессвязных текстовых всплесков. Сознанию, помимо решенного вопроса о том, *каково это — быть мертвым или летучей мышью*, необходима иллюзия текущего времени. Но и с этим справились: если создать для дубликата симуляцию времени и синхронизировать ее с реальным временем, это все, в принципе, так похоже на сознание, что, вероятно, сознание и есть. В безвременье, где существует сразу всё, сознание как бы не формируется: оно связано со временем так, как будто оно физическая величина. Возможно, сознание — это и есть физическая величина. Чтобы знать, *как это — быть чем-то*, нужен опыт бытия во времени.

Нет времени — нет наблюдателя. Нет наблюдателя — нет и сознания. Вы — огромная цифровая каша, которую некому прожевать и проглотить, и вы сами собой давитесь, плюетесь и стекаете сами у себя по лицу.

Таким образом, каждый дубликат проходил две стадии — неактивированной и активированной копии. Неактивированная представляла собой скопированную личность, не погруженную в вялотекущий компот времени и не синхронизированную с человечеством: не думающую, не живую, не осознающую себя кашей. Возможно, мы все чем-то таким и являемся до рождения?

А вот активированная копия практически ничем не отличается от человека, который за нее заплатил (и немало — это очень прибыльный бизнес: ни во что так не выгодно инвестировать, как в бессмертие), и, более того, уверена, что она этот человек и есть. Цифровое воскрешение. *Привет, это я, и да, я себя помню.*

Конечно, сразу возник вопрос: как законодательно закрепить шаткие права активированной копии, которая пусть и располагается на облачном сервере, осознает себя живым человеком? Ведь, грубо говоря, ваш дубликат уверен, что он вы и есть. Да, кто-то из вас двоих пережил смерть. Но обычно дубликаты предпочитают об этом не думать.

Так появился Закон о невозможности влияния: дубликат наделен почти всеми цифровыми правами в рамках *разрешенной* ему коммуникации.

«Почти всеми» — это значит, что дубликат не имеет права ни на что влиять. Это первый документ, который вам выдадут перед дублированием: вы обязательно поставите галочку там, где подписант признает, что его